

БОЛДЫРЕВ Роман Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 35 научных публикаций, в т. ч. двух монографий, одного учебного пособия*

РАГОЗИН Герман Сергеевич, аспирант кафедры всеобщей истории высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 7 научных публикаций**

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЛАСТИ В АРХИТЕКТУРЕ БЕРЛИНА 1701–1806 годов

В статье анализируются формирование и трансформация прусской модели репрезентации государства через изменения архитектурного облика столицы – Берлина. Использование государственных и национальных мифов было одной из главных составляющих процесса создания государства, борющегося за дипломатическое признание в Европе. За период с 1701 по 1806 год конструирование образа королевской власти как одного из главных идеологических элементов прусского государства для ее внешнего восприятия претерпело значительные изменения на разных уровнях – начиная соотношениями тех или иных идей в государственной, социальной, культурной и экономической политике и заканчивая воплощениями тех или иных образов в искусстве и архитектуре. В рамках австро-прусского дуализма в Германии выстраивание системы образов правящей династии и системы власти для внешнего наблюдателя означало практическое отражение жизнеспособности идеологии и государственной системы для обеих сторон – Пруссии и Австрии. А в условиях начавшегося противостояния двух сильнейших государств в Германии идеология и ее репрезентация сделались одновременно и мотиватором, и средством политики. Облик столичного города является одним из главных отражений и трансформации государства, и противостояния двух систем внутри Германии. Для Пруссии после Семилетней войны облик Берлина цементировал основы уже не столько формирующегося оппонента Австрии, сколько государства имперского типа, обладающего дипломатическим признанием и влиянием на международную политическую ситуацию. Одновременно с этим архитектурный облик столицы был одним из средств мобилизации населения к реализации идеологических программ. Все эти изменения как получали отражение в зданиях и монументах, так и меняли их смысловые трактовки в связи с теми или иными событиями или политическими целями.

Ключевые слова: Королевство Пруссия, австро-прусский дуализм, фредерицианская эпоха, репрезентация власти, эпоха Просвещения, архитектура Берлина.

*Адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2; e-mail: boldyrev_ry@mail.ru

**Адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2; e-mail: gragozin92@gmail.com

Тема подачи образа страны на мировой арене актуальна для исследований вне зависимости от изучаемой эпохи и политической ситуации. Облик города, особенно столицы, является одним из способов представления страны и действующей власти, а также отражением политических мифов.

Вопрос о том, как конструировать образ для внешнего восприятия, поднимался в разные периоды истории в разных странах. Особенно важным он является для государств, добивающихся признания на региональном или мировом уровне, в т. ч. претендующих на имперский статус. Им важно отразить в камне не только финансовые возможности и покровительство искусству, но также могущество и эффективность государственных и социальных институтов. Представительные сооружения подчеркивают готовность общества к мобилизации с целью реализации имперских идей и право диктовать свои условия другим участникам международных отношений.

Основными источниками по данной теме являются объекты городской архитектуры Берлина в контексте формирования образа государства. К ним относятся: замки и дворцово-парковые ансамбли, здания государственных учреждений, памятники и монументальные группы, строения общественного назначения, религиозные сооружения, объекты инфраструктуры. В эту же группу попадают и градостроительные планы. Через призму этих источников мы можем отследить изменение практической реализации моделей репрезентации государства и королевской власти, а также отражение имперских идей и их развитие в королевстве Пруссия.

Пруссия была одним из государств, добивавшихся международного признания в XVIII веке. Она была сформирована под властью Гогенцоллернов из двух германских государств – курфюршества Бранденбург и герцогства Пруссия.

При этом второе не входило в состав Священной Римской империи, что ставило новое государство в маргинальное положение в рамках Империи и влияло на его внешнюю политику. С 1701 года вопрос о дипломатическом признании королевства встал особо остро, т. к. Австрия, не желавшая усиления оппозиции собственной власти внутри Империи, была против признания за Гогенцоллернами королевского титула¹. Трения между сторонами усугублялись и из-за критики Берлином внутренней и внешней слабости Империи, особенно проявившейся в ходе войны за испанское наследство (1701–1714) [1, с. 70–71].

Для Пруссии это было, с одной стороны, возможностью заявить о себе как о силе на внутригерманской и европейской арене, а с другой – требовало формирования репрезентационной системы государства – конкурента Австрии. Одним из средств получения и закрепления международного признания, повышения авторитета и выражения государственных мифов стал облик столицы Пруссии – Берлина. И чем больше становились претензии королевства на гегемонию в Германии и Центральной Европе, тем активнее это выражалось в облике столицы, который пополнялся памятниками и ансамблями монументального искусства.

В современной науке нация трактуется как сообщество, объединенное общими историческими корнями и политическими интересами с восприятием себя как солидарной общности, основанной на правовом равенстве ее членов. Эта же общность привязана к конкретной территории и устанавливает на нее свой суверенитет, т. е. создает свое государство [2, с. 8]. Германия как национальное государство в XVIII – первой половине XIX века еще не сформировалась, так что об образе нации можно говорить лишь после создания Германской империи в 1871 году².

¹Австрия признала за бранденбургским курфюрстом Фридрихом III титул «König in Preußen» (короля в Пруссии), т. е. за пределами Священной Римской империи германской нации.

²В современных работах используется концепт «немецкая культурная нация» в значении «общность жителей немецкоязычных территорий», а также «деятельность интеллектуальных кругов, в т. ч. и авторов идей о немецком национальном государстве». См.: [2, с. 43–44].

Поэтому в контексте Королевства Пруссии до 1871 года допустимо говорить только о формировании и развитии образа монархии Гогенцоллернов и прусского государства, а также об отражении в камне «мифа о Пруссии» и «прусского мифа». Первый лег в основу внешнего облика страны, зиждился на ее военной мощи, второй был связан с характеристикой населения королевства и его государственных служащих [3, с. 273]. Выбор методов создания нового облика государства был сложным вопросом для королевской власти, и ответ на него неоднократно менялся в течение рассматриваемого периода.

Еще при курфюрсте Фридрихе-Вильгельме (1640–1688) Берлин стал приобретать образ и статус столицы германского государства, нашедшие свое архитектурное воплощение в пышном стиле барокко. Одним из главных форм репрезентации для курфюршества стали дворцово-парковые ансамбли. Первой загородной резиденцией стал замок Ораниенбург, расположенный к северу от Берлина и подаренный курфюрстом своей супруге Луизе-Генриетте. Замок был построен в голландском стиле, что, с одной стороны, было напоминанием супруге о ее родине, а с другой – демонстрировало союзные отношения Бранденбурга-Пруссии с Голландской Республикой, что было важно для страны и правящей династии, добивающихся международного признания [4, с. 126]. Желая скорее компенсировать людские потери, курфюрст Фридрих-Вильгельм (1640–1688) стал поощрять иммиграцию, в первую очередь беженцев-протестантов из Западной и Центральной Европы. В результате самой большой группой иммигрантов стали французы-гугеноты, которые принесли свои архитектурные изыски³, экономический опыт и капитал, что повлияло на облик Берлина [4, с. 98–101; 5, с. 114].

При его сыне курфюрсте Фридрихе III (с 1701 года – короле Фридрихе I) ставка была сделана на внешнюю атрибутику и церемониал [5, с. 106]. Важнейший ритуал – коронация нового монарха – был проведен в Кенигсбергском замке, т. к. на коронацию в Берлине, т. е. в пределах Священной Римской империи, Фридрих не имел права в силу своего титула «король в Пруссии». Помимо светских властей в церемонии участвовали лютеранский и кальвинистский епископы. Последний совершил обряд миропомазания, что трактуется как символ религиозной толерантности нового государства⁴ [1, с. 67–69; 6, с. 11]. Важной новацией обряда стало собственноручное возложение короны королем на себя, что было призвано подчеркнуть не только независимость протестантского монарха от Рима, но и его усилия в обретении королевского титула. В общегосударственном плане весь церемониал демонстрировал идею суверенитета королевской власти.

Большое внимание Фридрих I уделил перепланировке и украшению Берлина, который в одночасье превратился из средневекового города в столицу нового королевства. В основу была положена идея превращения Берлина в единый репрезентативный комплекс, что было призвано продемонстрировать населению и гостям города новую роль прусского государства в Германии и на международной арене.

Центр города начинает перестраиваться: первым важным объектом стал Городской замок (Stadtschloss) – главная резиденция Гогенцоллернов. Прежде это была резиденция бранденбургских курфюрстов, сильно пострадавшая во время Тридцатилетней войны, теперь – королевский дворец с репрезентативными функциями по примеру венского Хофбурга и парижского Лувра. Характерной чертой всех трех дворцов является то, что они строились

³Одним из главных архитектурных следов гугенотской общины является Французская церковь на площади Жандарменмаркт, построенная в 1705 году.

⁴Фридрих I был королем в государстве, где большинство населения являлось лютеранами, но при этом сам он был приверженцем кальвинизма. Это позволило исследователям говорить о развитии идеи «религиозной толерантности» в Пруссии, хотя ее окончательное оформление пришлось уже на эпоху Фридриха II.

на основе старых резиденций, с другими функциями и обликом – они состояли из нескольких зданий, теперь объединенных в одно, что должно было восприниматься как символ единства государства и мощи королевской власти. Главными элементами убранства дворца стали барочные мотивы. Позднее он неоднократно достраивался, но основа его облика была заложена в начале XVIII века архитектором Андреасом Шлютером. С этого момента Берлин как город-резиденция стал конкурировать со столицами государств – оппонентов Пруссии на международной арене – Стокгольмом, Парижем и Венной. Для правителей Пруссии это было лейтмотивом политики, нацеленной на получение общеевропейского признания и равенства с великими державами.

Новой загородной резиденцией прусских королей стал расположенный к западу от Берлина дворец Шарлоттенбург, подаренный королем Фридрихом I своей супруге Софии-Шарлотте. Новый королевский статус были призваны подчеркнуть парадные залы дворца. В Овальном зале, игравшем роль передней, где гости ожидали королевской аудиенции, были развешаны портреты монархов, с которыми Гогенцоллерны состояли в родстве или поддерживали союзнические отношения⁵. В следующем помещении был вывешен аллегорический портрет кронпринца – будущего короля Фридриха-Вильгельма I – в образе царя Давида. Посетителями смысл картины считывался сразу. Как известно, Давид был вторым израильским царем (как и кронпринц станет вторым королем Пруссии), к тому же наделенным в Библии чертами идеального правителя. Всем этим подчеркивались особые надежды, возлагаемые королем-отцом на сына: стать признанным участником международных отношений и создателем работоспособной государственной системы.

С 1704 года королем вынашиваются планы строительства «Контр-Версаля», подобного французскому роскошному загородному дворцу, так и оставшиеся нереализованными.

Причиной тому стал недостаток средств, т. к. все ресурсы были брошены на перестройку Берлина и Городского замка, которые должны были стать единым репрезентативным ансамблем в противовес основным конкурентам Пруссии [5, с. 108–109]. Помимо городской резиденции возводились здания Академии художеств и Академии наук. Они располагались на улице Линденаллее, которая далее переходила в Шарлоттенбургское шоссе и вместе с ним играла роль парадного въезда в город.

Еще одним элементом репрезентации стало здание Арсенала (Zeughaus). Это утилитарное по основной функции здание – склад оружия и боеприпасов – оказалось нетипичным с точки зрения архитектурных излишеств: его фасады были выстроены в барочном стиле и обильно украшены скульптурами-трофеями. Репрезентативной функцией здания стала демонстрация могущества прусской армии – в нем была размещена выставка военных трофеев. И хотя проект был завершен при Фридрихе-Вильгельме I уже в более утилитарном ключе, Арсенал стал одним из неотъемлемых элементов имперского облика Берлина.

Какие результаты дала столь активная строительная политика в Берлине? Несмотря на дефицит средств, барочный облик прусской столицы был заложен и стал одной из основ для системы репрезентации прусской монархии. В определенной степени формирующийся облик Берлина можно сравнить с Санкт-Петербургом, строившимся с нуля и ставшим столицей России. Андреас Шлютер, архитектор Городского замка, участвовал в отделке Летнего дворца и в ряде других проектов, что задавало определенное сходство Санкт-Петербурга с Берлином. Оба государства – и Россия, и Пруссия – в этот момент добивались признания в Европе статуса империй.

Кристаллизация мифов о Пруссии через архитектуру началась именно с ансамблем времен Фридриха I. Для «короля-выскочки» главным было доказать свое равенство с остальными европейскими монархами, а также право

⁵Среди них мы можем увидеть и портрет российского императора Петра I – друга короля Фридриха I.

на признание своего королевства. Частично ему это удалось: Пруссия смогла обратить на себя внимание участием своих полков в войне за испанское наследство. Однако полноценного признания в Европе еще не было, впрочем, как и ресурсов на более представительные ансамбли. Несмотря на это, сопутствующие атрибуты королевской власти сформировались, в т. ч. обряд коронации и придворный церемониал [7, с. 120]. В целом это вписывалось в куртуазную модель, характерную для того времени, но требовало больших затрат. Уже позднее король Фридрих II охарактеризовал политику своего деда как изнурительную для государства и населения [5, с. 110].

Отход от традиционной модели репрезентации произошел при Фридрихе-Вильгельме I – король сократил расходы двора и, как следствие, финансирование строительства в Берлине, а также расходы на собственную коронацию, которая является регламентированным обрядом, увязанным с сакрализацией монархии и персоны монарха [1, с. 78]. Даже в повседневной одежде Фридрих-Вильгельм и его сын Фридрих II предпочитали военные мундиры. Это означало отход от барочного облика. Строительство новых замков не начиналось, лишь завершались старые проекты в сокращенной форме. Король считал, что барочные формы и пышный церемониал не несут утилитарной нагрузки в борьбе за признание. Главным средством формирования образа государства стала государственная система, включая армию. А по мере дипломатического признания Пруссии это представление только укрепилось. Особым элементом в репрезентации через армию стали гвардейские полки, куда отбирали кандидатов, исходя из внешних характеристик, особенно роста [1, с. 95–96]. Гвардейский церемониал стал формироваться именно с этого времени. Прусская королевская гвардия хоть и была всегда при дворе и в столице, она не стала политической силой.

Основное внимание было сконцентрировано на государственном аппарате, армии, экономике и социальной сфере, что в историографии тоже считается одним из методов репрезентации. Король не считал нужным поддерживать старую куртуазную модель по причине ее дороговизны и несоответствия целям. Главным мотивом новых сооружений становится их утилитарность. Строительство в Берлине было сосредоточено на инфраструктуре и социальных объектах – примерами могут служить Таможенная стена и клиника Шарите. Стена провела на местности таможенную границу, и в ней были обустроены несколько входов в город, выполненных в стиле декорированных ворот. Сама по себе Стена может трактоваться как отражение новой системы государственной власти. На ее улучшении и эффективном использовании король сделал акцент в своем политическом завещании⁶.

Абсолютно новая концепция облика Берлина была представлена Фридрихом II. Новый король тоже не придерживался куртуазной модели репрезентации, и это отражалось во внешней атрибутике: например, король почти всю свою жизнь носил армейский мундир, в котором его изображали на портретах [3, с. 273]. Король был ориентирован на государственную систему, и это выразилось в постоянном контроле расходов, в т. ч. и на строительство.

Правление Фридриха превратилось в череду войн с Австрией, и здесь главной целью было создать такой облик города, при котором лейтмотивом стало противопоставление Вене, пока еще столице империи. Это кристаллизовалось в концепцию «Афин на Шпрее», соединенную с идеалами Просвещения, и повлекло за собой новую перестройку города в противовес хаотичной средневековой: предполагалось выстроить город по регулярному образцу. Главной улицей должна была стать Унтер-ден-Линден, до этого – парадная дорога для королевских выездов из города. Теперь же улица стала превращаться в новый репрезентативный ансамбль –

⁶Политическое завещание Фридриха-Вильгельма I от 17 февраля 1722 года. URL: http://germanhistorydocs.ghi-dc.org/pdf/deu/4_PrussianMonarchy_Doc.4_German.pdf (дата обращения: 12.10.2015).

началом стали Бранденбургские ворота и площадь Паризерплац. Далее – Forum Fredericianum – ансамбль, состоящий из Дома оперы, католического собора св. Хедвиги, Королевской библиотеки и дворца принца Генриха.

Первое здание ансамбля было увенчано надписью на латыни «Fredericus Rex Appolini et Musis» – это было демонстрацией покровительства искусству времен эпохи Просвещения. В том же ключе была построена и Королевская библиотека, ставшая самым крупным хранилищем литературы на немецком языке. Все это играло на контрасте с чередой войн за Силезию, которые вел король в это время [8, с. 260]. Собор св. Хедвиги вкуче с французским и немецким соборами на Жандарменмаркт символизировал идею прусской религиозной толерантности – кальвинисты, католики и лютеране уживались в пределах одного города и одной страны [6, с. 11]. Он был выстроен в стиле римского Пантеона, что тоже является откликом на идею «Афин на Шпрее». А дворец принца Генриха стал ответом главной резиденции Габсбургов в Вене – Хофбургу. Вместе с Арсеналом и Городским замком получалась идеальная модель Прусского государства, от таможенной границы Берлина до королевской резиденции, – цельный репрезентативный комплекс.

Все строения олицетворяли идеи, которые лежали в основе Прусского государства: религиозную толерантность, внимание к искусству, науке и мысли, отлаженный государственный аппарат и мощную армию. При этом началась перестройка Бранденбургских ворот, через которые проезжали все процессии и делегации. Изначально ворота носили мирный характер – это видно даже по названию – «Friedenstor» («Ворота мира»).

В 1740-е годы началось строительство новой загородной резиденции короля в Потсдаме. В определенной степени Фридрих воспринимал себя как «прусского Людовика XIV» – с идеями величественности и пространственным планированием загородной резиденции Сан-Суси. Произошло возвращение к барочным элементам декора, компоновке пространства,

а также к созданию паркового комплекса. Язык форм и фигур схож с тем, что можно увидеть в Версале.

Основной идеей стало равенство короля богу в преобразовании природы, но в рациональном ключе [7, с. 120]. Во внутренней отделке два основных элемента – паук и паутина – символы труда и привлечения нового в государство. Эти мотивы перекликались с теми идеями, на которые опирался король: укрепление государства путем приглашения новых людей. Но было и еще одно назначение: Фридрих воспринимал себя как короля-философа, что также оставляло след в его модели репрезентации монархии и государства. По количеству помещений главный дворец Сан-Суси выглядит скромнее Версаля и Петергофа, он не был предназначен для большого количества гостей. И это отражение того, на что прежде всего ориентировался Фридрих: на государственную систему и ее работу. Однако, учитывая внешний облик и прилегающий комплекс, назвать резиденцию приватной невозможно. Хотя желание хозяина дворца быть здесь наедине с собой и тем, что ему нравилось, оставило свой след. Здесь Фридрих и музицировал, и пополнял собрание картин, и готовил «Заметки о Бранденбургском доме». Характерной чертой всех резиденций Фридриха была типовая обширная библиотека.

Внешний облик ансамбля более репрезентативно ориентирован, чем сам дворец. Сан-Суси стоит на верхней террасе, откуда можно спуститься в парк с обилием скульптур в античном стиле. Это также намек на близость короля к прекрасному и на могущество одновременно – как представлял себя французский Людовик XIV. Еще одним посылом стал «цивилизаторский» – приближение облика Пруссии к великим державам с целью показать королевство и власть как подлинно равноправные по всем аспектам [8, с. 281]. Парково-дворцовый ансамбль был дополнен Новым Дворцом после Семилетней войны – король в нем не жил, он служил для приема гостей. Дворец выглядит эклектичным – с одной стороны, в оформлении фасадов преобладает классицизм, а с другой – дворец является

контрастом Сан-Суси: это куда большее количество комнат и залов, обильное использование фальшивого мрамора, огромный купол, венчающий здание, и обилие скульптур. На вершине купола была установлена композиция «Три грации, держащие корону» – еще один ответ череде войн, в которых участвовал король. Это была аллюзия на мотивы Античности и Ренессанса, символ радости, красоты и жизни. Дворец являл собой монумент победам короля и был в первую очередь обязан показать визитеру могущество прусской монархии, ее доказанное право на существование и имперский статус.

Еще одной вехой градостроительства стал Фридрихштадт. Началом активной застройки района можно считать усадьбу гугенотского купца Фридриха фон Фернецобре де Ларье, с 1770-х годов ставшую собственностью Гогенцоллернов. Главной идеей Фридрихштадта была застройка по четко очерченному плану: пересечение нескольких широких улиц более узкими – все выстроены по прямой. К тому же район стал очередным ответом Вене в идеях репрезентации прусской монархии – образцом стал венский Йозефштадт. В обоих районах были построены свои театры, церкви, места для торговли.

Тем не менее на четкой планировке сходства между районами заканчиваются – по стилю они контрастируют: это видно даже на примере церквей – ансамбль из немецкого и французского соборов в Берлине как ответ барочной церкви Пиаристов в Вене. Театр в Йозефштадте контрастировал с французским театром Фридрихштадта, однако последний был в скором времени снесен, а на его месте появился Национальный театр, сгоревший в 1817 году, – здание, ориентированное на демонстрацию важности искусства для прусского государства. Далее – два идентичных по оформлению собора на Жандарменмаркт стали символами идеи религиозной толерантности и ответом Габсбургам – императорам-католикам, а также ознаменовали переход от барокко к классицизму. И если первый стиль воздействует на эмоции, то второй – демонстрирует упорядоченность.

Собственно, отражением этого стал весь район, застроенный в тот момент в основном трехэтажными зданиями. Упорядоченность, в т. ч. и архитектурная, отождествлялась с «мифом о Пруссии», частью которого и было представление о порядке как основной черте государства [3, с. 273].

Несмотря на череду войн, Фридрих II смог придать облику Берлина такие черты, которые сделали его городом имперского плана. Это упорядоченная застройка, позволившая выстроить ансамбль Унтер-ден-Линден и продолжить застройку Фридрихштадта, это и реализация идей толерантности в облике соборов св. Хедвиги и на Жандарменмаркт, которые вместе с остальными сооружениями стали ответом Вене. А парково-дворцовый комплекс Сан-Суси стал еще одной вехой в переходе королевства от регионального статуса к статусу европейской державы, способной выразить свои претензии на положение, в т. ч. и архитектурным языком. По сути, дальнейшая перестройка города как имперской столицы была заложена именно в этот период. В существовавшие строения вносились коррективы, в т. ч. смысловые, или строились новые здания со своими репрезентационными целями, но общее русло было задано именно во фредерицианскую эпоху. Если вновь обратиться к сравнениям, то ряд сходств снова обнаруживается с Санкт-Петербургом: это строительство по генеральному плану и создание целых репрезентативных комплексов в городе и вблизи него.

Контрастом эпохе Фридриха II стало правление его племянника Фридриха-Вильгельма II. Нововведений в системе репрезентации почти не было, за исключением работ над старыми проектами и строительства Бранденбургских ворот. Тогда это была окраина Берлина и ворота выполняли функцию таможенного поста. Кроме того, они демонстрировали мирные намерения – их венчала квадрига с богиней мира Эйреной. Ворота были выстроены в греческом стиле, что можно считать продолжением идеи «Афин на Шпрее» времен Фридриха II. В основном через эти ворота предполагалось

принимать посольства и иностранных гостей, т. к. здесь и начинался главный репрезентационный комплекс. Он должен был продемонстрировать гостю столицы идеальную модель государства, начав с мирных символов.

Однако с 1790-х годов Пруссия погрузилась в череду войн с революционной Францией и значение ворот изменилось вместе с квадригой: богиню мира заменили богиней победы Викторией работы Иоганна Готфрида Шадова в честь побед над революционными войсками [7, с. 134]. Ворота стали подчеркивать имперский статус государства, уже признанного в Европе. Тем не менее войны с Францией завершились поражением в 1806–1807 годах, а квадригу французы увезли в качестве трофея. Ее вернули с победой над Наполеоном, что в очередной раз подтвердило скорее триумфальное, чем мирное назначение ворот. Были завершены проекты на Жандарменмаркт – построен немецкий национальный театр.

За период с 1701 по 1806 год, т. е. от создания королевства Пруссия до поражения в войне с Наполеоном, модель репрезентации правящей династии и государственной системы претерпела значительную эволюцию. Первой ступенью стали барочные элементы резиденций и куртуазный церемониал двора Фридриха I, которые преследовали цель подтвердить равенство Гогенцоллернов с остальными европейскими монархиями. Облик столицы менялся не столь глубоко, хотя здания некоторых государственных учреждений уже меняли образ на наднациональный. Имперское государство во многом основывается на таких мотивах, в то время они в основном черпались из образцов Древней Греции и Рима. Более того, Берлин получил официальный статус королевской резиденции и столицы.

После отказа от куртуазной модели конструирования образа королевской власти в архитектуре стала отражаться идея четко отлаженной государственной системы, что сделало облик города в первую очередь утилитарным. Лейтмотивом были жизнеспособность государства и накопление сил для последующего его утверждения в новой роли.

Имперская модель репрезентации королевства была в основном построена при Фридрихе II – Берлин стал демонстрацией величия и способности к воплощению притязаний королевства. Идея ответа Вене посредством градостроительных изысков нашла свое оформление в целых комплексах, которые должны были стать символами высокого уровня развития государства.

Облик столицы должен был стать не только символом мощи государственной системы, но и толерантности, что удалось совместить через строительство храмов католического, лютеранского и гугенотского толка одновременно. В стране, где проживали представители разных религиозных конфессий, это было важно, т. к. подчеркивало уважение государства к религиозному миру на своей территории.

Архитектура имперского плана в Берлине сочетает как наднациональные, так и характерные для Пруссии черты, бывшие следствием развития тех или иных идей. Весь комплекс работ был завершён уже после смерти короля – его преемники довели проекты до конца, но имперский статус Пруссии был уничтожен на период с 1806 по 1814 год, когда вся Германия попала под власть Наполеона. После войны за освобождение Королевство вернулось к имперскому стилю архитектуры, но в контексте развития идей о национальном государстве.

Список литературы

1. Clark C. Iron Kingdom: The Rise and Downfall of Prussia. 1600–1947. London, 2006.
2. Данн О. Нации и национализм в Германии 1770–1990. СПб., 2003.
3. Münkler H. Die Deutschen und Ihre Mythen. Berlin, 2009.
4. Neumann H.-J. Friedrich Wilhelm der Große Kurfürst. Der Sieger von Fehrbellin. Berlin, 1995.
5. Schmidt W. Friedrich I. Kurfürst von Brandenburg, König in Preußen. München, 2004.

6. Kroll F.-L. *Das geistige Preußen. Zur Ideengeschichte eines Staates*. Paderborn; München-Wien-Zürich, 2001.
7. Scharf H. *Kleine Kunstgeschichte des Deutschen Denkmals*. Darmstadt, 1984.
8. Kunisch J. *Friedrich der Große. Der König und seine Zeit*. München, 2004.

References

1. Clark C. *Iron Kingdom: The Rise and Downfall of Prussia. 1600–1947*. London, 2006.
2. Dann O. *Nation und Nationalismus in Deutschland 1770–1990*. München, 1993 (Russ. ed.: Dann O. *Natsii i natsionalizm v Germanii 1770–1990*. St. Petersburg, 2003).
3. Münkler H. *Die Deutschen und Ihre Mythen*. Berlin, 2009.
4. Neumann H.-J. *Friedrich Wilhelm der Große Kurfürst. Der Sieger von Fehrbellin*. Berlin, 1995.
5. Schmidt W. *Friedrich I. Kurfürst von Brandenburg, König in Preußen*. München, 2004.
6. Kroll F.-L. *Das geistige Preußen. Zur Ideengeschichte eines Staates*. Paderborn; München-Wien-Zürich, 2001.
7. Scharf H. *Kleine Kunstgeschichte des Deutschen Denkmals*. Darmstadt, 1984.
8. Kunisch J. *Friedrich der Große. Der König und seine Zeit*. München, 2004.

doi: 10.17238/issn2227-6564.2016.3.5

Roman Yu. Boldyrev

Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication,
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
2 prosp. Lomonosova, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
e-mail: boldyrev_ry@mail.ru

German S. Ragozin

Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication,
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
2 prosp. Lomonosova, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
e-mail: gragozin92@gmail.com

REPRESENTATION OF POWER THROUGH BERLIN'S ARCHITECTURE, 1701–1806

This article dwells on the formation and transformation of the model of the Prussian state representation through changes in the architectural scene of Berlin capital city. Prussia used state and national myths as the main tools for state creation and to achieve recognition in Europe. During the period from 1701 to 1806, the royal power representation had undergone significant changes in different aspects: from the proportion of certain ideas in the state system, social, economic and cultural policies to the implementation of various images in art and architecture. Within the Austro-Prussian dualism in Germany, the created system of images of the ruling dynasty and power was a practical demonstration of ideological superiority and strength of the state institutions for both Austria and Prussia. Moreover, during the struggle of the two powers in Germany, ideology and its representation turned into a motivator and a means of politics. The face of the capital city is one of the main indicators of state transformation and struggle of the two systems within Germany. For Prussia, after the end of the Seven Years' War the face of Berlin was reflecting a diplomatically recognized imperial state (that could influence international politics) rather than Austria's emerging opponent. Alongside with these factors, Berlin's architectural face was one of the mobilization means for the implementation of ideological programmes by the population. All these transformations were both reflected in buildings and monuments and changed their semiotic meanings due to certain events or political goals.

Keywords: *Kingdom of Prussia, Austro-Prussian dualism, Frederick II, representation of power, Enlightenment, architecture of Berlin.*

Поступила: 24.10.2015